
Письма о христіанскомъ Римѣ.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Санти Джованни-е-Паоло. Папа Дамазъ.

На Целіи есть интересное подземелье. Подъ церковью св. Иоанна и Павла въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ были открыты слѣды какихъ-то древнихъ строеній. Церковь принадлежала пассіонистамъ. Одинъ изъ монаховъ padre Germano, воспитанный въ школѣ де-Росси, принялся за раскопки и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ откопалъ большую часть таинственнаго дома. Каждый ударъ заступы былъ сопровождаемъ обширными научными изысканіями, и, по мѣрѣ углубленія въ раскопки, передъ ученымъ монахомъ все больше и больше выяснялась вся значительность и единственность доставшагося на его долю открытія. Уже первыя и частичныя его сообщенія были единогласно признаны за выдающееся событіе въ Анналахъ христіанской археологіи. Когда же о. Германъ приготовилъ волюминозную книгу: *La casa celimontana dei S. S. martiri Giovanni e Paolo* (Roma 1894), де-Росси, достигавшій тогда предѣлы земной своей жизни, привѣтствовалъ его открытымъ письмомъ въ которомъ еще разъ подчеркнулъ рѣдкое своеобразіе „целійскаго дома“ въ архелогическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, *casa celimontana* есть своего рода уникаль. Онъ относится къ *переходной* эпохѣ четвертаго вѣка и совмѣщаетъ въ себѣ черты не встрѣчающіеся ни въ одномъ другомъ памятникѣ. Въ немъ еще есть нѣчто отъ катакомбъ,—живопись, символы и прямое отношеніе къ свв. мученикамъ, и, въ то же время, это—обыкновенный римскій домъ четвертаго вѣка, стоявшій открыто, никуда не прячась, среди великолѣпныхъ храмовъ Юпитера, Геркулеса, Изиды, Діаны и Клав-

дія—покрывавшихъ тогдашній Целій, Целій оживленнѣйшій, Целій, у Фронтонна названный *collis celeberrimus*, а въ письмахъ благочестиваго Марка Аврелія *mons Caelius*.

Открытие о. Германа представляетъ тройной интересъ. Во первыхъ, оно имѣетъ большое значеніе для археологіи не христіанской. До сихъ поръ источникомъ всего археолого-историческаго воссозданія частной жизни римлянъ, ихъ домашняго быта, ихъ матеріальнаго обихода—была Помпея. Эта единственность Помпеи и отсутствіе какого-нибудь *твердаго* археологическаго пункта въ самомъ Римѣ неизбѣжно суживала область достовѣрныхъ заключеній изъ данныхъ Помпеи и вводила историковъ въ заблужденіе относительно важныхъ подробностей. *Casa selimontana* даетъ возможность *отойти* отъ Помпеи на нѣкоторое разстояніе, занять положеніе *надъ* Помпеей, и частью провѣрить заключенія изъ Помпеи, частью внести совершенно новыя свѣдѣнія. Такъ на примѣръ у Витрувія, Марціала, Вергилія встрѣчаются описанія дыма идущаго изъ римскихъ домовъ. Въ домахъ Помпеи нѣтъ трубъ и историки должны были думать, что римлянамъ неизвѣстно было наше устройство печей и дымъ у нихъ выходилъ какимъ-нибудь примитивнымъ способомъ черезъ окна или черезъ двери. Въ целійскомъ же домѣ трубы находятся въ обильномъ количествѣ, и если принять во вниманіе что домъ былъ трехъэтажный, и трубы въ немъ проходятъ черезъ три этажа, приходится заключить что римляне прекрасно умѣли обращаться съ дымомъ. Или на примѣръ въ Помпеѣ бросаются въ глаза маленькіе размѣры оконъ. Свѣтъ проникалъ черезъ двери, и внутренность римскаго дома должна была представляться какъ вѣчная полутьма, что вполне совпадало съ шуткою Цицерона о равенствѣ смысла между „приводить домой“ и „приводить въ потемки“. Въ целійскомъ же домѣ оконъ много и оконъ большихъ, такъ что опять приходится заключить, что въ императорскомъ Римѣ „потемки“ уже не были общимъ правиломъ. Въ *casa selimontana* сохранились господскія комнаты съ росписными потолками и стѣнами, тѣсныя и темныя жилища рабовъ, бани, *fumarium*, гдѣ „дымили“ вино, чтобы оно быстрее старилось, обширныя кладовыя для фруктовъ, оливковаго масла, вина съ массой глиняной посуды—для историка это цѣлыя сокровища.

Но еще интереснѣе *casa selimontana* съ точки зрѣнія христіанской археологіи. Спустившись въ подземелье, вы чувствуете себя точно въ катакомбахъ. Со стѣнъ и потолоковъ глядятъ на васъ столь милые въ своей дѣтской простотѣ символы первохристіанства. Вы находите рыбу, ягнать, голубей—тріединый образъ, охватывающій всю жизнь христіанской души, ибо, какъ рыбы, рождаются христіане въ водѣ благодати, какъ овцы, идутъ въ своей смертной жизни, слушаемая голоса Пастыря, какъ голуби отрѣшаясь отъ тѣла взлетаютъ на внѣмрннѣ пажити. Образъ Пастыря Добраго, съ необыкновенной любовью лелѣемый въ первоначальномъ христіанствѣ и повторяемый въ самыхъ разнообразныхъ тональностяхъ въ живописи катакомбъ, и здѣсь занимаетъ большое мѣсто. Въ главной комнатѣ, *tablinum*, которая въ римскихъ домахъ служила для приѣма и была украшена съ изысканной тщательностію,—и стѣны и потолокъ покрыты фресками, похожими на помпеянскія. Отъ центра, въ которомъ помѣщался очевидно образъ Спасителя, потолокъ дѣлится на двѣнадцать частей, изъ которыхъ шесть заняты мужскими фигурами, четырьмя евангелистами и свв. Петромъ и Павломъ, по толкованію о. Германа, остальные же всѣ посвящены одному мотиву: около дерева, ознаменовывающаго Христа, пасутся козы, овцы или агницы. На стѣнахъ встрѣчается и евхаристическій символъ: два ягненка нѣжнаго возраста лежатъ около сосуда съ *молокомъ*. Въ одномъ изъ угловъ очень сохранилась фигура „оранты“, съ воздѣтыми руками, съ длинными и красивыми складками, съ юнымъ и чистымъ лицомъ. Сравнительное изученіе этого образа показываетъ, что онъ столь же многозначенъ, какъ и всѣ другіе христіанскіе образы. Если на могилѣ онъ можетъ приниматься за безсмертную душу усопшаго, если въ молитвенныхъ мѣстахъ онъ символизируетъ саму Церковь, то у него есть еще одинъ замѣчательный аспектъ: онъ знаменуетъ и пресвятую Дѣву Марію, какъ это доказываются нѣкоторыми надписями надъ орантами: *María Virgo, ἡ ἀγία Μαρία*. Эта откровенно-христіанская живопись заставляетъ думать, что и всѣ остальные по внѣшней видимости языческіе образы въ фрескахъ должны быть и столыко бываемы по-христіански: гени, птицы, гирлянды цвѣтовъ нисколько не противорѣчатъ христіанству, а двѣ женскія фигуры съ

вѣнками въ рукахъ могутъ означать и вѣнцы христіанскіе.

Это все вы видите въ подземельѣ. Это все такъ ясно и трогательно. Катакомбный характеръ живописи въ христіанскомъ домѣ четвертаго вѣка—несомнѣнно фактъ замѣчательный, показывающій всю органичность и непрерывность въ развитіи Церкви. Въ то время какъ въ Египетскихъ и Сирійскихъ пустыняхъ зерно христіанской проповѣди уже переходило въ свое „другое“ и давало новые всемірно-историческіе ростки—здѣсь въ Римѣ еще живутъ катакомбами, зерно остается „самимъ собой“ и можно сказать въ целійскомъ домѣ мы видимъ въ послѣдній разъ его послѣднія сверкающія оболочки въ самый канунъ общаго трансформироваія таинственной сердцевины зерна въ новыя историческія произрастанія. Но эти послѣднія видѣнія, первоначальнаго христіанства—такъ же свѣжи и радостны какъ, въ катакомбахъ, ибо такъ же, какъ въ катакомбахъ, запечатлѣны вольной и свѣтлой жертвой, обогрены чистою кровью мучениковъ. Этимъ самымъ открытое подземелье вырастаетъ изъ простаго археологическаго памятника въ религіозную святыню. „Акты“ дошедшіе до насъ въ очень различныхъ редакціяхъ, изъ которыхъ самая древняя относится къ шестому вѣку, такъ передаютъ мученичество свв. Іоанна и Павла, связанное съ целійскомъ домою—и этотъ рассказъ, кромѣ своей „натуральности“, подтверждается археологически открытіемъ о. Германа, исторически находится въ соотвѣтствіи съ свѣдѣніями, сообщаемыми языческими историками.

Іоаннъ и Павелъ были офицерами дворцовой стражи—*protectores lateris Augusti*. Занимали повидимому высокія мѣста, ибо объ нихъ поименно упоминаетъ языческій историкъ Амміанъ Марцеллинъ. Бывали на востокѣ съ Константиномъ Великимъ, но вообще жили въ Римѣ, служа при дворѣ той Констанціи племянницы или внучки Константина, которая вела очень благочестивую, почти монашескую, жизнь въблизи катакомбъ св. Агнесы на поментанской дорогѣ, по смерти своей была похоронена въ Мавзолеѣ Констанціи, дочери Константина, совсѣмъ не святой и жестокой, и память ея, чистая и святая, превратила этотъ полуязыческій памятникъ въ христіанскую церковь—онъ и теперь зовется *Santa*

Costanza. Иоаннъ и Павелъ,—были ли они братьями, или соединила ихъ такъ тѣсно исповѣдуемая ими вѣра,—жили въ одномъ домѣ и по всѣмъ вѣроятіемъ домомъ этимъ и было подземелье, открытое о. Германомъ. Когда Юліанъ Отступникъ вступилъ на престоль, онъ захотѣлъ имѣть при себѣ Иоанна и Павла и послалъ имъ приглашеніе явиться ко двору и исполнять тѣ обязанности, которыя они несли при Константинѣ. Обратитъ вниманіе на Иоанна и Павла могли заставить Юліана Отступника два обстоятельства. Во первыхъ, Иоаннъ и Павелъ были ревностными христіанами и, разъ они занимали высокія должности, ихъ благочестіе не могло укрыться отъ взоровъ языческой партіи. Въ-вторыхъ и по завѣщанію Констанцы, только что скончавшейся, они получили въ наслѣдство отъ нея большія богатства, что еще болѣе сдѣлало ихъ видными. На приглашеніе Императора Иоаннъ и Павелъ отвѣтили отказомъ. Посланному они сказали: „Мы служили при дворѣ Константина, потому что Константинъ и дѣти его были христіанами; но теперешній его преемникъ, тебя къ намъ пославшій,—нечестивый отступникъ, какъ же мы можемъ служить ему? Твои увѣщанія будутъ напрасными: во дворцѣ Юліана нашей ноги не будетъ“. На вторичное предложеніе явиться ко двору и, оставивши христіанство, смыть обиду, нанесенную Императору своимъ первымъ отказомъ, Иоаннъ и Павелъ отвѣтили, что они не могли обидѣть Юліана, потому что предпочли ему не смертнаго человѣка, а безсмертнаго Бога. Тѣмъ временемъ они наскоро стали раздавать свои богатства и, когда пришли возвѣститъ, что имъ дается десять дней на размышленіе, и что, въ случаѣ дальнѣйшаго упорства, имъ будетъ худо, они съ готовностью отвѣтили: „Къ чему десять дней? Поступайте такъ, какъ если бы они прошли, приводите въ исполненіе угрозы!“ Теренціанъ, начальникъ воиновъ, сталъ уговаривать ихъ подчиниться, но они сказали: „У тебя одинъ господинъ, у насъ Другой“. Все же имъ было дано десять дней. Это время они посвятили молитвѣ. Ихъ посѣщали братья, и молились вмѣстѣ съ ними. Особенно близки имъ были священникъ Криспъ, Криспіанъ и Бенедикта. Криспъ причастилъ ихъ, они завѣщали ему остатки своихъ богатствъ для бѣдныхъ, и, когда прошли девять дней, всѣ оставили ихъ наединѣ съ Богомъ. Но Юліанъ не хотѣлъ создавать

мучениковъ и начинать открытое гоненіе противъ христіанства. Его приказъ былъ все дѣлать въ тайнѣ, и потому Теренціанъ пришелъ къ Іоанну и Павлу въ четвертую стражу ночи—*tertia hora noctis transacta*—и засталъ ихъ молящимися—*invenit eos orantes*. Узнавъ объ ихъ рѣшеніи, онъ приказалъ войнамъ отвести ихъ въ самую дальнюю часть дома. Они пошли весело, съ улыбкою радости и ставъ въ комнатухѣ на колѣни, сами подставили шею. Войны быстро сдѣлали свое дѣло. Теренціанъ приказалъ тутъ же зарыть ихъ и задѣлать всѣ слѣды. Но предсмертная улыбка радости у Іоанна и Павла пронзила Теренціана; онъ скоро обратился въ христіанство и, по однимъ извѣстіямъ самъ написалъ житіе св. мучениковъ; по другимъ—его диктовалъ. Кровь мучениковъ обладаетъ таинственной силой, и на свѣжей могилѣ Іоанна и Павла сейчасъ же выросла новая гирлянда мученическихъ ликовъ. На другой день послѣ казни, Криспъ, Криспіанъ и Бенедикта съ тревогой прибѣжали въ целійскій домъ и не найдя въ немъ никого, бросились искать по Риму, исчерпавшихъ друзей. Они долго бѣгали, наконецъ, по внушенію свыше, возвратились на Целій и нашли въ дальней комнатѣ зарытыя тѣла мучениковъ. Эта часть разсказа запечатлѣна на фрескахъ целійскаго дома. На одной изъ фигуръ ясно можно разобрать священническія облаченія принадлежащія Криспу. Онъ въ рукахъ держитъ чашу, быть можетъ съ дарами, съ которыми онъ пришелъ въ памятное утро къ своимъ друзьямъ. Въ другой фигурѣ мы узнаемъ Бенедикту, пораженную горемъ, въ печали поднимающую голову рукой. На фрескѣ рядомъ двѣ фигуры мужская и женская (Бенедикта и Криспіанъ) припадаютъ молитвенно къ могилѣ Іоанна и Павла, при чемъ мужская фигура приникла щекою къ землѣ, какъ къ святынь,—въ нѣжной ласкѣ. А надъ ними возстаеъ фигура мученика уже въ славу, ибо къ ней-то спускаются складки райскихъ кушей. Слухъ о новой святынь быстро разнесся по христіанскому Риму, и въ домъ на Целій стало стекаться много народа. Замыселъ язычниковъ—убить свв. Іоанна и Павла тайно—не удался, и для того, чтобы уменьшить впечатлѣніе, около дома разставили стражу съ приказомъ никого не впускать. Можетъ быть Криспъ, Криспіанъ и Бенедикта, обнаружили какую-нибудь особую настойчивость, но ихъ схватили, и послѣ допроса на которомъ они дер-

жали себя непоколебимо мужественно и отказались рѣшительно воскурить еиміанъ умершимъ богамъ—ихъ всѣхъ трехъ казнили. Замѣчательно, что въ Целійскомъ домѣ сохранилась фреска, изображающая ихъ мученичество и Лебланъ съ Алларомъ считаютъ ее самымъ древнимъ изъ дошедшихъ до насъ изображеній этого рода. Но правленіе Юліана было очень короткимъ. Уже въ слѣдующемъ (363) году власть перешла къ Іовіану, лично знавшему и высоко цѣнившему Іоанна и Павла. По его почину, надъ могилою послѣднихъ мучениковъ катакомбнаго типа, воздвигли базилику, которая сразу же стала „титульной“ и очень излюбленной паломниками, graffiti которыхъ до сихъ поръ сохранились на лѣстницахъ и стѣнахъ.

Соотвѣтствія между актами и целійскимъ домомъ настолько чисты и разительны, что намъ кажется хорошо обоснованной точка зрѣнія о. Германа, который безусловно отождествляетъ открытый имъ целійскій домъ съ домомъ свв. Іоанна и Павла. До сихъ поръ противъ этого отождествленія не было сдѣлано никакихъ возраженій. Ихъ готовится сдѣлать монсиньоръ Вильпертъ, который въ настоящее время заканчиваетъ большую работу о послѣ-катакомбной живописи и мозаикахъ христіанскихъ и въ одномъ изъ экскурсовъ къ этому грандіозному изданію, технически много превосходящему изданіе де-Росси, будетъ доказывать, что целійскій домъ не принадлежалъ свв. Іоанну и Павлу, и что тѣла ихъ были перенесены туда позже Паммакіемъ, по имени котораго былъ названъ титулъ. Если окажется правъ Вильпертъ, тогда всю исторію свв. Іоанна и Павла придется отнести къ другому исчезнувшему дому на Целіѣ,—но отъ этого значительность открытаго дома останется почти не уменьшенной, ибо всѣ фрески остаются на мѣстѣ, свидѣтельствуя что домъ этотъ былъ христіанскій, а тѣсная связанность его съ исторіей свв. Іоанна и Павла не подлежитъ никакому сомнѣнію. Впрочемъ Вильперту придется побѣждать много трудностей для доказательства своего мнѣнія и „отводить“ цѣлыя совокупности опредѣленныхъ и съ разныхъ сторонъ идущихъ свидѣтельствъ. Во всѣхъ актахъ, молитвословіяхъ свв. Іоанну и Петру, и въ извѣстіяхъ паломниковъ настоячиво говорится, что и умерли свв. Іоаннъ и Павелъ и па-

мать о нихъ хранится in aedibus propriis—въ собственномъ домѣ ¹⁾.

Съ цѣлійскимъ домомъ естественно связывается имя папы Дамаза, современника свв. Іоанна и Павла, избраннаго римскимъ епископомъ черезъ четыре года послѣ ихъ славной кончины—въ 366 г. Эта связь имѣетъ глубокой характеръ, и одновременно и внутренней и вѣшной. О. Герману казалось невозможнымъ, чтобъ папа-поэтъ, съ необыкновенной ревностью слагавшій хвалы—стихотворенія во славу мучениковъ, обошелъ свв. Іоанна и Павла. Еще удалось найти на форумѣ большой кусокъ надписи, попавшей сюда при грабежахъ послѣдующихъ вѣковъ,—въ которой изящнымъ „филокаловскимъ“ стилемъ, одинаковымъ во всѣхъ Дамазовскихъ „поминаніяхъ“, было написаны имена Іоанна и Павла. Но т. к. существовала другая церковь Іоанна и Павла на Ватиканѣ, то оставалось сомнѣніе, къ какой изъ двухъ базиликъ нужно отнести найденную надпись. Сомнѣніе, было устранено находкой другого куска такой же надписи въ Цѣлійскомъ домѣ. Трудно возстановить въ цѣлости стихотворное поминаніе папы Дамаза, посвященное свв. Іоанну и Павлу—и то конъектурное возсозданіе, которое предлагаетъ о. Германъ, хотя и одобрено де-Росси,—слишкомъ мало достоверно. Но едва ли нужно жалѣть объ невозможности точно возстановить разбившееся на куски и большей частью утерянное мраморное стихотвореніе. Творенія папы Дамаза проникнуты всѣ однимъ духомъ и намъ легко представить по другимъ сохранившимся записямъ что написалъ благочестивый поэтъ надъ свѣжей могилою двухъ воиновъ, которые, весьма возможно, были лично ему извѣстны.

¹⁾ Не лишнее отмѣтить что о. Германъ былъ подвигнутъ къ своей работѣ мистическимъ внушеніемъ. Самъ онъ такъ рассказываетъ объ этомъ въ концѣ книги: „Я много лѣтъ былъ боленъ нервами и мозговымъ истощеніемъ (esaurimento cerebrale) въ такой сильной формѣ, что, послѣ безплодныхъ попытокъ лѣченія и при непрерывномъ возрастаніи болѣзни, я былъ принужденъ наконецъ оставить всякія занятія. Однажды, въ день поминанія основателя титула св. Паммакія, когда я служилъ у его алтаря, я почувствовалъ внушеніе дать обѣщаніе написать работу объ базиликѣ и о мученикахъ въ ней чтущихся и сталъ молиться, чтобъ эту работу я сталъ въ силахъ осуществить. Богъ услышалъ мой обѣтъ и молитву, и въ ту же минуту я почувствовалъ себя исцѣленнымъ“.

Гораздо важнѣе внутренняя связь между целійскомъ домомъ и папой Дамазомъ. Тутъ единство глубокое и въ высшей степени знаменательное. Исторія целійскаго дома замыкаетъ собою трехвѣковый катакомбный періодъ Церкви. Свв. Іоаннъ и Павелъ—это послѣдній эпизодъ въ приснопамятной мученической эпохѣ христіанства. Ими кончается цѣлый „эонъ“, цѣлая эпоха, на нихъ *поворачивается* страница всемірной исторіи, страницы въ исторіи вселенской Церкви. И какъ бы шелестъ этого „поворачиванія“ слышенъ въ благочестивыхъ и прекрасныхъ эпитафіяхъ того самого римскаго первосвященника, съ котораго начинается столь горестная тяжба Востока и Запада. Папа Дамазъ съ замѣчательною любовью собралъ всѣ дошедшія до него свѣдѣнія о большинствѣ римскихъ мучениковъ, съ несомнѣннымъ поэтическимъ даромъ на чистѣйшемъ латинскомъ языкѣ (который тогда уже начиналъ быстро варваризироваться) составилъ ритмическія хвалы имъ и прославленія, и съ какою-то провиденціальною „удачей“ нашелъ каллиграфа Филокала, который благороднымъ и торжественнымъ начертаніемъ перевелъ на каменные плиты его „катакомбныя“ вдохновенія. Эти мраморные гексаметры украсили всѣ наиболее славныя мѣста христіанскаго мученичества, своей нарядностью нументальностью и какъ бы отмѣтили конецъ огромнаго періода и противъ всякаго желанія папы поэта стали надгробнымъ памятникомъ славнаго римскаго первохристіанства. Фигура папы Дамаза становится особенно знаменательной и характерной потому, что онъ, воздвигшій прекрасный памятникъ катакомбамъ, былъ однимъ изъ первыхъ римскихъ епископовъ, рѣшительно двинувшимся навстрѣчу своей будущей исторіи, чреватой славой, подвигами, удачей... и всемірно-исторической катастрофой. Папа Дамазъ былъ тѣмъ папой, который въ увлеченіи мѣстными римскими успѣхами первый опредѣленно посягнулъ на господство и *властвованіе* во вселенской Церкви. Онъ захотѣлъ выйти за предѣлы римской епархіи, перестать быть *primus inter pares* т. е. *первымъ по чести* епископомъ, какимъ его искони признавала вся церковь, и протянулъ свою властную руку на Востокъ. Но Востокъ остался вѣренъ святому преданію и на грѣховное притязаніе папы отвѣтилъ еще почтительнымъ отказомъ. Когда папа Дамазъ послѣ втораго все-

ленскаго собора хотѣлъ устроить соборъ въ Римѣ, чтобы этимъ какъ бы вызвать признаніе, что вселенскій соборъ произошелъ въ Римѣ, а не въ Константинополь и что ересь была побѣждена не совокупными усилиями Церкви, а авторитетомъ римской куріи, епископы Восточныхъ Церквей отказались ѣхать на римскій соборъ, считая его излишнимъ послѣ уже состоявшагося втораго вселенскаго собора, на которомъ Римъ былъ представленъ лишь какъ *primus inter pares*,—и въ своемъ посланіи высказали нѣсколько общихъ мыслей вселенскаго характера какъ бы въ назиданіе папѣ Ламазу: „Мы терпѣли гоненія, муки и угрозы, для защиты ученія Евангельскаго, проповѣданнаго Отцами Никейскими. Надобно, чтобы и вы утвердили одинаково съ нами сіе ученіе, и что бы всѣ тѣ которые не хотятъ опровергнуть вѣру, ее утвердили. Что касается до управления частныхъ Церквей, то вамъ извѣстно, что есть каноны Святыхъ Отцовъ Никейскихъ, которые повелѣли, что бы рукоположенія дѣлались Епископомъ каждой области, а если пожелаютъ, то и сосѣдними Епископами, съ ними сошедшимися. Мы просимъ васъ вѣрить, что сіе правило свято соблюдается между ними, и что такимъ образомъ были поставлены Епископы величайшихъ городовъ. Мы извѣщаемъ васъ, что и благочестивый и достопочтенный Кириллъ былъ избранъ и поставленъ, по правиламъ, Епископомъ Иерусалимской Церкви, которая есть мать всѣхъ Церквей. И такъ мы возбуждаемъ васъ изъяснить имъ радость вашу о правильномъ ихъ поставленіи между ними и быть соединенными съ нами, любовью и страхомъ Божиимъ, попирающими возношенія человѣческія и предпочитающими возвеличеніе Церкви, суетной любви къ тварямъ. Когда мы общимъ согласіемъ между нами, установимъ истину вѣры и искренность любви, тогда перестанемъ произносить слова, осужденныя Апостоломъ Павломъ (1 Кор. III) ¹⁾. Мы будемъ всѣ Христовы, который не будетъ раздѣленъ между нами. Мы сохранимъ единство тѣла Церкви и съ упованіемъ предстанемъ на судилище Христово“.

В. Эрнъ.

¹⁾ „Ибо когда одинъ говоритъ: „я Павловъ“, а другой: „я Аполловъ“—то не плотскіе ли вы?... И такъ никто не хвались человѣками, ибо все ваше. Павелъ ли, или Аполлосъ, или Кифа, или міръ, или жизнь, или смерть, или настоящее, или будущее—все ваше. Вы же Христовы, а Христосъ—Божій“.